

ряет смысл и исчезает. Уже в 80-х годах оно сходит на нет. Составитель «Нового летописца», являвшийся современником событий этих лет, неоднократно употребляет наименование «на Пожаре», но ни разу не добавляет «среди Москвы». В то время это было и так ясно.¹² Наличие этого специального уточнения наводит на мысль, что наша повесть восходит к 70-м годам XVI в., когда оно было обязательным. На эту же мысль наводит отсутствие в повести слова «опричина». Царь выезжает на площадь вершить казнь «с сотники и стрельцы», но не с опричниками. Автор избегает этого слова, хотя сам царь представляется ему именно в опричном виде — «в черном платье». Вероятно, слово «опричина» отсутствует здесь потому, что повесть родилась вскоре после 1572 г., когда опричина была официально ликвидирована и переименована в «двор». Было запрещено употреблять название «опричина» и безусловно отряды царского войска в те годы так не именовались.

В этой связи становится понятным, почему главной карательной силой Грозного вдруг оказались псарь. Так же как «черное платье» царя, наименование «псарь» прозрачно указывает на опричников, отличительным знаком которых была песья голова, символизировавшая их собачью преданность царю и постоянную готовность выгрызть измену. С другой стороны, в XVII и следующих веках редко разбирались, в какие годы опричина еще была, а в какие ее уже не было. Поэтому в поздних описаниях казней и террора Грозного царь и опричина обычно неотделимы.

Если эти особенности правильно указали нам время создания повести, то естественно ожидать, что в ее содержании отразились события, предшествовавшие этому времени.

Вымышленный эпизод с трупом купца рассказан на фоне описания массовой казни, проведенной по повелению Грозного. В повести говорится, что «по росписи» было схвачено 300 человек бояр, окольных, стольников и гостей. Перед началом казни на площадь выехал сам царь во главе отряда стрельцов. Началась казнь, но часть обреченных была помилована и отпущена. Трупы казненных остались валяться на площади до повеления царя их похоронить.

В исторических источниках, сообщающих о событиях 70-х годов XVI в., мы находим буквально совпадающие во всех этих деталях описания реальных исторических фактов.

В июле 1570 г. происходили московские казни, завершавшие начатые в Новгороде репрессии, связанные с новгородским изменным делом. В «Сказании» современника-инострнца Альберта Шлихтинга рассказывается, что утром на площадь было выведено 300 человек «знатных мужей»¹³ — в повести 300 «именитых людей». Повторение в повести этого числа три раза — 300 плах, 300 топоров, 300 палачей — является типичным фольклорным приемом. Но избрание для этого повторения именно той самой цифры, что и у Шлихтинга, писавшего, как известно, свое «Сказание» непосредственно вслед за данными событиями, представляется неслучайным. Цифры, приводимые Шлихтингом, не вызывают сомнений. Напомним, что сообщенное им число жертв новгородского погрома вполне реально — 2770. Оно решительно отличается от всех других сообщений, явно преувеличенных: 27 000 у Таубе и Крузе, 60 000 в Псковской летописи, 700 000 у Горсея и т. п.¹⁴ Точность приводимых Шлихтингом цифр в рассказе об интересующей нас казни подтверждается и русскими лето-

¹² ПСРА, т. XIV, ч. 1. СПб., 1910, стр. 34, 47, 67, 69, 87, 108.

¹³ А. Шлихтинг. «Сказание». Новое известие о России времени Ивана Грозного. Под ред. А. И. Малеина. Изд. 3. М., 1934 (далее: А. Шлихтинг), стр. 45—46.

¹⁴ Там же, стр. 29 и примечания к ней на стр. 54